

БЕСЕДЫ О ПРЕКРАСНОМ

НЕКРУГЛЫЙ ДИСК

— Что означает для вас выпуск новой грампластинки! — спросили мы представителей разных жанров музыкального искусства.

А есть ли такое искусство — искусство грампластинки? Вопрос не праздный. Проигрыватели, как и телевизоры, имеют сегодня почти все семьи, грампластинки выпускаются огромными тиражами (116 млн. экземпляров в год — не шутка!), продаются на каждом углу, и значение их в нашей культурной жизни (да и в нашем обиходе) постоянно возрастает. Уже не в новинку — подписные издания и пластинки-«журналы». Сравним разве что со знаменитой «Библиотекой всемирной литературы» серия «Из сокровищницы мирового исполнительского искусства», объединившая более чем 200 дисков. Выходит в свет грандиозная антология «Музыкальное творчество народов СССР» — пластинок будет более тысячи! А всего выпущено «Мелодией» почти 40 тысяч наименований дисков... Наверное, цифр достаточно, чтобы утверждать: пластинка стала средством массовой коммуникации, почти столь же массовым, как литература, телевидение, кино. Есть ли у грамзаписи свои особенные выразительные средства, или это лишь удобная возможность для музыканта довести звучание до совершенства?

Нашу беседу можно назвать своеобразным репортажем из творческой лаборатории грамзаписи. Первый вопрос, который получили собеседники — представители жанров в музыке едва ли не полярных: «Что означает для вас выпуск нового диска?»

Алексей РЫБНИКОВ, композитор, дирижер и постановщик:

— Я отношу себя к студийным композиторами, то есть тем, которые пишут музыку специально для грампластинок. В чем разница? Естественно, музыкальные критерии остаются прежними, и гармония не теряет своей силы и значимости. Но меняются возможности, а соответственно — музыкальное мышление.

НТР необычайно расширила творческий диапазон композиторов. В нашем цехе почти нет таких, кто не увлекался бы в свое время электронной музыкой и ее главным инструментом — синтезатором, который впервые позволил не заимствовать звуки у природы, а создавать новые, из ничего, с нуля. Но путь этот оказался тупиковым. Живые, одухотворенные звуки — это те, которые можно извлечь из дерева или металла. Электронная музыка была мертвовой. Следовало искать иные пути. И тут-то помогла грамзапись.

Наверное, все имеют представление о двух- и четырехдорожечных магнитофонах. Но мало кто знает, что лучшая студийная техника позволяет вести запись на 48 дорожек, причем каждому инструменту, солисту или хору можно «подарить» свой канал. Этот, казалось бы, чисто технический переворот и дал толчок новому творческому мышлению, предъявил высокие требования к фантазии композитора. Ведь теперь нет ничего невозможного. Любые звуки и голоса в любых количествах и сочетаниях могут присутствовать в партитуре. В опере «Юнона» и «Авось», к примеру, одновременно «задействованы» Государственный русский народный хор СССР, группа ударных инструментов, 15 синтезаторов, солисты-вокалисты, оркестры симфонический и народных инструментов. Где, на какой сцене смог бы я разместить их? И, главное, как было бы достичь необходимой музыкальной соразмерности? А в студии мы записывали исполнителей в разное время на разные «дорожки».

— Можно сказать, что вы создаете своеобразный «дискотеатр» (от слова «диск», а не «диско»), который требует умелой режиссуры, а от слушателей у проигрывателей — полной сосредоточенности. Но уверены ли вы, что они усваивают все те мысли и чувства, которые вы им адресуете? Ведь они лишены самых сильных эмоций — зрительных, а кроме того, не связаны, как слушатели на концерте, эмоциональной дисциплиной коллектива и неизбежно отвлекаются...

— Для меня пластинка сродни книге, в которой тоже ведь нет «зрительных образов», все рассчитано на нашу фантазию, соавторство, сотворчество. Свои оперы я задумывал как своего рода звуковые романы, надеясь, что их будут «перечитывать». То, что не прояснится в первый раз, станет понятным во второй... Но проблема есть, и непростая. Я много размышляю над ней. Сегодня нам повсюду сопутствует музыка: дома, на работе, в транспорте, на улице — тоже, кстати, благодаря грамзаписи. Музыка нужна разная. Под одну хорошо работается, под другую танцуются. Но ее стало слишком много! И в основном это музыка «легкая»: под этим словом я понимаю не рок-музыку — явление сложное и неоднозначное, — а прежде всего именно «диско» и различные вариации «в современных ритмах». Проникая в сознание помимо воли и, больше того, вопреки ей, такая музыка, как мне кажется, развивает у человека аморфность восприятия.

Реагировать на такую музыкальную ситуацию можно двояко. Можно попытаться «запретить» плохое искусство. Но как запретить то, что уже посеяно? Запрет, я считаю, есть тоже проявление растерянности и пассивности, потому, вероятно, он никогда не приводит к успеху. А можно что-то противопоставить «облегченной» музыке. К примеру, проанализировать, что же нравится молодежи в диско-музыке, и, используя ее элементы, насытив ими то искусство, которое возбуждает активность восприятия, создать альтернативу: музыку, которая и привлечет массового слушателя, и потребует от него духовной отдачи. Так — капля за каплей — мы, думаю, постепенно выведем атрофию из души; это одна из задач, которую я ставлю перед собой в своем творчестве.

Евгений НЕСТЕРЕНКО, солист Большого театра, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии:

— Пластинка — всегда итог определенного творческого развития: я записываю романс, арию или целую роль в том виде, в каком, как мне кажется, они созрели. Но не только.

У меня примерно 30 сольных дисков, я участвовал в записи 15 опер, и, наверное, опыт позволяет мне утверждать: грампластинка — самостоятельная область в камерном и оперном искусстве. Ее нельзя считать примитивной копией живого исполнения: у нее ряд преимуществ и... не менее длинный ряд недостатков.

Звукозапись позволяет достичь высокой музыкальной точности, почти идеальной соразмерности солиста, хора и оркестра, а ведь она практически невозможна в зале, где оркестр часто приходится приглушать. Но одновременно, как уже было тонко замечено, она кое-чем напоминает Джоконду в журнальной репродукции. В безупречной, без шероховатостей мелодии иногда не ощущаешь трепета живого сердца. Певец в самой горячей арии оказывается вдруг бесстрастным. Что помещало ему загореться? Прежде всего, мне думается, отсутствие контакта с залом, тех невидимых духовных связей с живыми слушателями, которые всегда повышают градус исполнения... Помню, ожидая очереди записываться, застал финал работы известных эстрадных юмористов. Так они даже попросили заполнить студию людьми. Случайными — лишь бы слышать реакцию. И я вполне их понимаю. Я знаю, что некоторые певцы теряли перед микрофоном, а в пустой концертной аудитории своего артистизма, а это, естественно, влияло и на глубину их голоса.

Тогда, казалось бы, давайте чаще записывать музыкантов прямо в концертных залах. Тем более что концерты мастеров академического пения, как правило, технологически прекрасны — никакие «дубли» не нужны. Но сами музыканты редко довольны такими дисками, хотя публика в зале, явно задетая за

душу, принимала выступления восторженно. Причина, мне кажется, в том, что многие певцы обладают и качествами драматического актера. Они не только поют, но и играют. Публика воспринимает некую сумму вокальных и сценических образов — ту сумму, от которой на долю слушателя грампластинки выпадает пусть большая, но все же только часть.

— Евгений Евгеньевич, вы тоже известны как прекрасный актер, тщательно вычерчивающий пластический рисунок роли. Однако, слушая ваши оперные записи — Бориса Годунова, Дона Паскуале, Кочубея, — почти не чувствуете потери. У вас есть какой-то «секрет»?

— Пожалуй, нет. Музыкально-вокальный и сценический образы я всегда порождая на сцене, «переживая» свою роль психологически. И в студии я стараюсь вообразить место действия, изнутри «наработать» те чувства и эмоции, которые соответствуют исполняемой музыке. Но, должен заметить, только в последние годы — во время работы над Годуновым на фирме «Мелодия» операми «Дон Паскуале» и «Любовный напиток» на фирме «Ариола» в ФРГ — мне удалось достичь той же степени накала чувств, что и на сцене. Вероятно, опыт помог мне интуитивно переплавлять «энергию пластическую», которая в студии не нужна, в дополнительную вокальную. Вокальные интонации стали более выразительными — я начал, если так можно сказать, давать в голосе больше.

— Насколько удачно, по вашему мнению, осуществляется сегодня просветительская миссия грампластинки?

— Пластинки «Мелодии» знакомят практически со всем мировым оперным и камерным искусством. Но покупают их в основном все-таки люди музыкально грамотные. А ведь грамзапись могла бы стать источником впечатлений о музыке и для тех, кто не входит пока в круг ее поклонников. Это — путь к наиболее массовому воспитанию серьезной музыки. И тут необходимо заметить, что у нас по существу отсутствует такой газетный жанр, как рецензия на диск. Появился, правда, специальный журнал фирмы «Мелодия», но его тираж невелик. А как полезно было бы, если бы новая запись оперы, цикла симфоний или романсов освещалась в печати столь же пристрасно, как премьера в ведущем театре! Тогда люди не терялись бы в том мощном потоке грамзаписей, который обрушивается на их головы... Да и мы, артисты, знали бы точнее, куда идти.

Алла ПУГАЧЕВА, заслуженная артистка РСФСР:

— Что означает для певца выпуск нового диска? Ну а что означает для писателя выпуск новой книжки? Наверное, это событие, да? Ведь все, что было сделано за последний период, планы и задумки нашли свое отражение в записях на пластинке. Это — творческое кредо, взгляд на искусство. Это — визитная карточка, ну, скажем так, года на три. Не больше. Потому что с возрастом меняется мироощущение, а с ним, естественно, и программа.

От этой печки и должна, по-видимому, танцевать фирма «Мелодия». Но всегда ли она это делает? Одна из ее основных задач, как я думаю, — открывать и как бы представлять на суд публике ищущих и способных молодых исполнителей — до того, как ими заинтересуются телевидение, радио, а может быть, даже и концертные организации. Что мы имеем на деле? Для того, чтобы молодому певцу попасть на худсовет фирмы «Мелодия», ему нужно быть, ну, наверное, очень смелым. Хотя смелые не всегда побеждают. Побеждают пробивные.

Чтобы молодому композитору записать песни — даже те, которые успели прозвучать в современных популярных телепередачах, — он должен быть как минимум членом Союза композиторов.

Что мы от этого теряем? Новые темы, идеи, находки, а может быть, и целые эстрадные направления, которые не очень-то спешат компенсировать своим творчеством так называемые профессиональные эстрадные композиторы. А это, по моему мнению, определяет, в частности, и ту скромную роль, которую играет наша эстрада на подмостках мира.

Кто-то скажет: а зачем выбиваться-то в главные герои? Пусть о высоком уровне нашей музыкальной культуры судят по выступлениям оперных певцов, пианистов, скрипачей, хоров, симфонических оркестров. А по ним и судят. Но не надо забывать, что эстрада сегодня — именно благодаря звукозаписи — превращается в средство массовой пропаганды. Это тоже идеология. И тоже форма идеологической борьбы, если хотите. Чтобы совершить идеологическую провокацию в социалистической стране, иногда специально посылают на гастроли ту или другую рок-группу или стараются завалить прилавки ее дисками. Обязательно ведь найдутся люди, которые будут восторженно аплодировать. А нельзя ли отравить за границу пластинок нашего рок-ансамбля, чтобы противопоставить наше искусство западному? Вот тут-то и заминка. Потому что те ансамбли, которые прошли худсовет «Мелодии», не всегда отличаются высоким художественным уровнем. А вот группы действительно неординарные, исповедующие авторское начало и высокую поэзию, в песни которых необходимо внимательно вслушиваться, порой все еще ждут своей очереди.

Хочу, чтобы меня поняли правильно. Я не против того, чтобы у нас выпускали диски по лицензиям. Их и без того немного, и некоторые мастера мировой эстрады малоизвестны у нас. Но я за то, чтобы лучшие советские музыканты, певцы, композиторы получили доступ на «Олимп» грамзаписи. Чтобы мы имели возможность сравнивать и противопоставлять.

Отдельный вопрос — оформление пластинок. Сколько тяжелых сцен пришлось пережить в свое время, чтобы — вот уж действительно — пробить первый советский двойной альбом (это было «Зеркало души»). Старалась не затем, чтобы «шикануть». Хотелось приблизить советскую пластинку к мировым стандартам. Забудем на время обо мне. Разве не выгодно стране, чтобы на ярмарке грамплаластинок в Каннах диски «Мелодии» не уступали ни качеством, ни искусным оформлением лучшим западным? Разве не выгодно, чтобы наша звезда засияла на западном эстрадном небосклоне?

Почему же они нас до сих пор побеждают? Почему они фантазмом берут, а не конфеткой? А у нас — да! — такая вкусная конфетка, но вот фантик подкачал. Разве это не борьба?

У нас много талантливых певцов и композиторов, и нужно давать им творческий простор, выпускать их пластинки, представлять их работы на обсуждение массовому слушателю, вкусы которого одновременно надо оттачивать шедеврами классики и эстрады. Высказав свою оценку, люди совершат в нашем искусстве своего рода искусственный отбор, и мы все должны решиться на него смело, не ревнуя к тем, кто придет вслед за нами и, может быть, окажется талантливей. Не беда, если нас в кресле потеснят, — мы на пол сядем. Мыслить нужно глобально, ведь цель наша — радость людей и международный престиж советской эстрады. А в завоевании его главную роль может и должна сыграть грампластинка.

Беседу вел Ю. ГЛАДИЛЬЩИКОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Разговор об искусстве музыкальной грампластинки, оттолкнувшись от противоречий чисто творческих, охватил круг проблем воспитательных. И сегодня это, наверное, не случайно. Мы надеемся, что доброжелательные и заинтересованные критические замечания, идеи, предложения, высказанные нашими авторитетными собеседниками, найдут живой отклик у работников министерств культуры и фирмы «Мелодия».